

Анюта Соколова

КОДЕКС ЦЕЛИТЕЛЯ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С59

Соколова А.
С59 Кодекс целителя / Анюта Соколова – М.: Литнет, 2025. – 286 с.

ISBN 978-5-521-93763-9

Империя лишила меня родины, дома и близких. В чужой стране мне пришлось пройти через многое. Я не умерла лишь благодаря помощи целителя. Теперь столичный дипломат предлагает мне сопровождать его, чтобы обучать языку. Он молод, привлекателен и откровенно ухаживает за мной. И всё бы хорошо, только его брат смотрит на меня с ненавистью и презрением. Хотя именно он — тот самый целитель, который спас мне жизнь.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93763-9

© Литнет, 2025
© А. Соколова, 2025

*Новая жизнь начинается именно в тот момент,
когда для старой внутри больше нет места.*

Ошо

Глава 1

Дождь падал откуда-то сбоку, словно хмурое небо вдруг накрепилось и вместе с ним покосились старые тополя во дворе, острая крыша дома напротив и узкая мощёная улица за высокой решёткой забора.

– Мей, ты меня слышишь? Арден убит, – требовательно повторила Со́гар. – Твой муж мёртв.

Я выпрямилась, отёрла воду со лба и отрешённо посмотрела на громогласную бабищу, словно та была прозрачной и через неё просвечивали дома в серой косой мороси. Моё имя за полгода в Орлисе так никто не выговорил правильно. Впрочем, не особо и пытались.

– Слышу. Их вёзиль попал в засаду бандитов, Ро́нир и Арден погибли в перестрелке.

Согар приблизила ко мне своё плоское лицо, похожее на большой белый блин. Все гидарцы поначалу казались мне одинаковыми, огромными, белыми и плосколицыми. Широко расставленные глаза, едва обозначенные светлые брови и ресницы, короткие, вдавленные носы. Арден был точно такой же... был.

– Правильно про вас, киреек, говорят – бездушные деревяшки. Другая бы в рёв, а ты только глазищи вылупила. Хотя бы попроситься с ним не забудь, бревно бесчувственное! Их тела лежат в доме Собраний, мы своих не бросаем.

А если бы бандиты подстрелили меня, мой труп оставили бы

валяться на дороге? Я – не «своя», я чужачка, приبلудыш, кирейская гадюка, бесовское отродье. За прошедшие шесть месяцев я собрала приличную коллекцию эпитетов, которыми меня щедро наградил Орлис. И это при том, что за эти полгода я выходила из дома от силы десятков раз, и только в компании Ардена.

– Спасибо, лётта Герун. Я похороню мужа в соответствии со своей верой.

– Вздумала тоже! Знаю я вашу веру – покойников на кострах жжёте! Тьфу! – Согар презрительно сплюнула на мокрую брусчатку двора, плевок растёкся белой кляксой. – Брось свои кирейские штучки! Завтра с утра служитель Богини проведёт обряд, и тела предадут земле, как положено.

Взгляд суровых светлых глаз остановился на моём огромном животе и потеплел.

– Уйди с дождя, дурёха, простудишься. Не хватало ещё навредить малышу.

Безразлично кивнув, я не двинулась с места. Согар развернулась и зашагала, чеканя шаг. Здоровая, крепкая, плотная, выше меня на голову, а в плечах шире втрое. Истинная гитарка, такая и за себя постоит, и с любой работой шутя справится, и за праздничным застольем любого мужика перепьёт. Грубоватая, но прямая и честная, по сравнению с остальными жительницами Орлиса, она проявляла ко мне неслыханное дружелюбие. Её муж служил в отряде Ардена, и, не сомневаюсь, Согар была наслышана о кирейской жене командира. Тем не менее она со мной разговаривала, а не кривила презрительно толстые губы, как большинство орлиских дам. Не шипела в спину: «ведьма», не пихала локтями якобы нечаянно, сталкиваясь на улице. Я провожала светлую фигуру до тех пор, пока она не завернула за угол, и только после этого вернулась в дом.

В своей комнате я поняла, что насквозь промокла. Сколько я стояла под дождём? Десять, пятнадцать минут? Согар не скупилась

на подробности, когда расписывала нападение бандитов на регулярный рейд пограничников. Шерстяная кофта пропиталась водой, тонкая блузка под ней отсырела, с верхнего слоя юбки на пол стекали ручьи. Местная одежда так и не стала для меня привычной. Ранней весной, как сейчас, я предпочла бы обтягивающие лосины, длинную тунику, лёгкое пальто и высокие ботинки. Так одевались на моей родине, которой больше не существовало. В доме Собраний месяц назад повесили новую карту Гидории – Кирёя превратилась в провинцию Огорийской империи, Гидару отошла южная часть Северного Предела.

Мокрую одежду я сняла, отжала над раковиной в ванной и повесила сушить. Быстро переоделась в сухое, такую же свободную блузку и длинную юбку. Тяжёлый живот мешал, перетягивал вперёд. По словам лекаря, до родов мне оставалось недели три-четыре. Ребёнок Ардена вёл себя тихо, почти не толкался, словно, подобно мне, не хотел привлекать к себе внимание. Косу я расплетать не стала – просохнет и так, слишком много с ней возни. Когда-то густые золотисто-каштановые волосы ниже пояса были предметом моей гордости, теперь они стали досадным напоминанием о другой жизни. К сожалению, Арден прятал от меня ножницы, впрочем, как и все острые предметы. Наивный... Самое безрассудное, на что бы я решилась, – отрезала бы косу. Даже не потому, что Отрешённый запрещал убивать: вряд ли я смогла бы причинить вред отцу моего ребёнка.

Арден погиб. Новость оглушила. Я не испытывала ни облегчения, ни торжества. Да и с чего бы? Со смертью мужа жизнь для меня менялась в худшую сторону. В Гидаре вдовы не наследовали имущество, оно переходило к ближайшему родственнику мужского пола. У Ардена не было родных, у меня тоже. Значит, Совет управителей Орлиса назначит опекуна и подождёт до рождения ребёнка. Если родится мальчик, собственность отца перейдёт ему, а право распоряжаться наследством он получит только после совершеннолетия,

в шестнадцать лет. Девочка же так и останется под опекой до своего замужества, невестой с хорошим приданым. И в том и в другом случае всем будет управлять опекун, а я превращусь в приживалку, которую терпят из милости. Незавидная участь.

Дождь почти перестал, небо заметно побелело. Плотные свинцовые тучи отползли к западу и уступили место более рыхлым и бледным, похожим на грязный пух. По весеннему времени темно было поздно, я вполне могла бы дойти до дома Собраний и вернуться засветло. На похоронном обряде завтра утром мне лучше не присутствовать – соберётся половина Орлиса, не дай Отрешённый, ненароком толкнут и навредят ребёнку. Не то чтобы я так страстно жаждала попрощаться с Арденом, но, пока я здесь живу, нельзя давать повод ненавидеть меня ещё сильнее. Я надела тёплую кофту, нечто среднее между коротким пальто и жакетом с подкладкой и поспешила вниз.

Спускаться по крутой лестнице в последний месяц стало сложно. Ступенек из-за огромного живота я не видела, цеплялась за скользкий полированный верх перил, поэтому не сразу заметила служанку-катизску. Арден представил её как Анжи – исковерканное катизское имя Эйнжи. В отсутствие Ардена она приносила мне в комнату подносы с едой и молча мерила меня колючим взглядом карих с зелёными крапинками глаз, напоминавших мне мамины бусы из яшмы. Долгое время я принимала Анжи за немую, пока случайно не услышала её резкий, визгливый голос с характерной картавостью южанок. Полагаю, до моего неожиданного-негаданного появления в доме она была любовницей мужа, во всяком случае, норовила то невзначай прижаться к нему в коридоре, то потереться крутым пышным бедром. Арден молча отшвыривал её прочь, словно надоевшую вещь. Сейчас Анжи с перекошенным от ненависти лицом перегородила мне дорогу.

– Это правда?! – подалась она вперёд.

– Что именно? – переспросила я, тяжело дыша после спуска.

– Что Ари... Ари убили...

Надо же, оказывается у Ардена было ласковое домашнее имя.

– Да, правда. Они встретили бандитов, вступили в перестрелку. Пуля попала Ардену в глаз, смерть наступила мгновенно.

Жуткие подробности, которые красочно описала Согар, я опустила. Но и этого хватило, чтобы Анжи побледнела, прижала руку к груди и залилась слезами.

– Ари... как же так... что ж теперь...

Вряд ли она ожидала ответ на риторические вопросы, поэтому я осторожно отцепилась от перил и двинулась дальше. Однако Анжи опередила меня – вскинулась и засверкала раскосыми глазами.

– Это всё ты, ты! Гадина, ведьма!

Каким образом, по мнению отставной любовницы, рядовая перестрелка в приграничье связана со мной, я слушать не собиралась. Сделала ещё одну попытку разминуться с загородившей проход катизской. Безуспешно. Анжи наступала, потрясая маленькими смуглыми кулаками.

– Кирейская гадюка! Влюбила, околдовала! Из-за тебя Ари искал смерти! Мало тебе было забрать его сердце, да?

Я заставила себя отвернуться и смотреть в стену. Говорить что-то в таких случаях бессмысленно, всё равно не услышат. Нужно подождать, пока истерика пройдёт.

– Будь проклята ты и твоё отродье! Мерзкая тощая тварь!

Кулак Анжи врезался мне в бок. Острая боль обожгла и словно подрубил ноги. Я рухнула на колени и чудом не растянулась на полу. Катизска со всей силы пнула по моему животу носком вышитой домашней туфли и, не сомневаюсь, на этом бы не остановилась, но из кухни на шум выглянула пожилая кухарка, Ари́са.

– Что ты творишь, дура! Летт Арден тебе голову оторвёт! – Кухарка подскочила к нам и оттащила Анжи в сторону. – С ума сошла?

Анжи на удивление быстро забыла про меня, обвинила Арису руками и жалобно, с подвыванием зарыдала.

– Ари уби-или-и!.. Ари-и-и!..

Перед глазами у меня кружились жёлто-зелёные пятна, внизу живота пульсировала жгучая боль. Встать удалось не сразу. Перила находились далеко, а за стену, обитую шёлком, было не ухватиться, пальцы соскальзывали. Ариса не пыталась мне помочь, она утешала Анжи, гладила её по голове, словно обиженного ребёнка. Наконец я поднялась на ноги и увидела выражение лица кухарки: Ариса злорадно скалилась.

– Успокойся, Анжи, деточка, милость Богини с тобой. А ведьму кирейскую защищать больше некому, отольются ей твои слёзы... Что пялишься? – грубо бросила она мне. – Ты теперь в этом доме никто. Родишь ребёнка – мы тебя быстро на место поставим. Полы драить будешь, ясно?

У меня хватило выдержки ответить ей холодной усмешкой:

– Ты не Совет управителей города, Ариса. Дом летта Лиріна не твоя собственность, чтобы указывать, кому какое в нём место.

Нет, я не надеялась, что управители вступятся. Просто не могла позволить, чтобы меня начали шпынять в первые же минуты после смерти Ардена. Поэтому я загнала боль поглубже и медленно пошла к двери, несмотря на то что хотелось бежать без оглядки и никогда не возвращаться. Слуги меня не любили, я и раньше это знала, но при Ардене они не осмеливались проявлять свою неприязнь открыто. Та же Ариса никогда не поднимала головы и предпочитала помалкивать.

После дождя тёплый весенний воздух напитался влагой. Брусчатка во дворе уже начала подсыхать, зато лужи на улице больше напоминали озёра. У меня не было сил их обходить, и туфли то и дело зачерпывали воду. Боль не унималась, напротив, с каждым шагом разгоралась всё сильнее, словно мой кроткий ребёнок обернулся хищным зверем и рвал меня изнутри клыками. Но я привычно сжала зубы и упрямо брела вперёд. Никто не поверит, что мне плохо, скажут, как Согар, что я бездушная дрянь. Когда я добра-